

УДК 347.97/.99

ББК 67.71

DOI 10.22394/1682-2358-2018-1-72-80

O.N. Shekshuyeva, Candidate of Sciences (Law), Docent of the Administrative and Criminal Law Department, Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ON THE ISSUE OF FAIR JUSTICE

The judiciary is analyzed as a component of state power. The interrelation of justice of the judicial decision and political will of the state is underlined. It is postulated that the judicial system as a political institution can not exist without the support of a state that is interested in the functioning of a strong judiciary.

Key words and word-combinations: power, state power, judiciary, fairness, justice.

О.Н. Шекшуева, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: shekshueva@icloud.com)

К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОМ ПРАВОСУДИИ

Аннотация. Судебная власть анализируется как составляющая государственной власти. Подчеркивается взаимосвязь справедливости судебного решения и политической воли государства. Постулируется, что судебная система как политический институт не может существовать без поддержки государства, заинтересованного в функционировании сильной судебной власти.

Ключевые слова и словосочетания: власть, государственная власть, судебная власть, справедливость, правосудие.

Современное понимание судебной власти как вида политической власти, а судебной системы — как политического института [1, с. 583—587; 2, с. 50—72] вызывает необходимость дальнейшего исследования содержания таких понятий, как «справедливая судебная власть», «справедливая судебная система», «справедливое правосудие» [3, с. 151—153]. Основными признаками справедливого судебного решения являются законность и обоснованность. До настоящего времени российской наукой не выработано единого понятия справедливого правосудия, что

можно объяснить прежде всего относительностью самих категорий «справедливость», «справедливый».

Европейская конвенция по правам человека провозгласила для каждого в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [4].

Правосудие определяется в русском языке как «деятельность правовых, судебных органов» [5, с. 525] и представляет собой способ реализации судебной власти. В ст. 118 Конституции РФ закреплено, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом» [6]. Таким образом, в Конституции РФ нашла свое отражение политика государства относительно содержания понятий «правосудие», «судебная власть», «судебная система».

Не вызывает сомнений факт, что между категориями «правосудие» и «справедливость» отсутствует знак равенства, они различны по своему значению, несмотря на то что, как правило, правосудие ассоциируется именно со справедливостью. Между тем по смыслу приведенной статьи Конституции РФ под правосудием государство понимает, прежде всего деятельность соответствующих органов.

Содержание термина «справедливый» раскрывает толковый словарь: справедливый — действующий беспристрастно; соответствующий истине; осуществляемый на законных и честных основаниях; истинный, правильный [5, с. 757]. Как видно, справедливость тесно связана с такими свойствами (качествами) субъекта, как беспристрастность, истинность, законность, честность, которым должно соответствовать правосудие. Другими словами, справедливость — это оценочная категория, которая существует не только в области правоприменения, но и в иных сферах жизни общества, и подчеркивает авторитет и легитимность как судебных решений, так и прочих результатов деятельности государственных органов.

Принцип разделения государственной власти, характерный для демократического государства и утверждающий самостоятельность каждой из ветвей власти, не предполагает отсутствие в этом случае единства государственной воли, но и не преследует цели единства воли политической. По мере укрепления независимости судебной власти развивается институт ее контроля над законностью деятельности других ветвей власти, поскольку изменяются общественные отношения, политика государства, представления о хорошем и плохом пр. При этом отметим, что судебная власть наделена таким полномочием, как возможность отмены решений законодательных или исполнительных органов в случае несоответствия этих решений законам и ущемляющих права и свободы граждан. В то же время стремление двух других ветвей власти оказать какое-либо влияние на власть судебную может быть расценено как несоблюдение ими же принятых и подлежащих исполнению законов.

Принимая во внимание, что политическая власть гораздо более широкое понятие, чем власть государственная, одной из составляющих которой (ст. 10 Конституции РФ) является власть судебная (причем политическая власть реализуется не только государством, но и партиями, общественными организациями), закономерно напрашивается вопрос, в каком случае, при соблюдении каких условий решение суда будет справедливым и при этом соответствующим или не соответствующим политической воле государства?

В цель настоящей статьи не входит исследование полемики вокруг точного определения термина «власть». Несмотря на различное толкование обозначенного понятия, единым является то, что власти присущи как минимум два признака — подчиненность чьей-либо воле и сила (принуждение) [7—9]. В то же время «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которых оно в себя заключает...» называется политической [10, с. 646].

Государственная воля и государственный интерес объективируются в том числе в нормах права, применение которых судом при разрешении конкретного дела свидетельствует о реализации государственной власти, что позволяет считать принятое решение справедливым, то есть соответствующим истине в ее понимании государственной властью.

Единство государственной воли предполагает единство оценки юридических фактов и событий и, как итог — справедливость принятого решения на конкретном этапе развития общества и государства, что обеспечивается также соблюдением особой процедуры его принятия. Самостоятельность суда в оценке обстоятельств дела с целью принятия справедливого решения по делу зависит от того политического строя, в годы существования которого принимается то или иное судебное решение. Поскольку судьи назначаются на должность государством в лице его соответствующих органов власти, следовательно, ими же (властными органами) формулируются критерии справедливого судьи, справедливого решения, справедливого правосудия. Иное означало бы отсутствие власти. «Власть и государство всего лишь придатки справедливости; если бы можно было осуществлять справедливость каким-то иным путем, то в них не было бы никакой нужды» [11, с. 381].

Изложенное приводит к выводу, что справедливое правосудие — это беспристрастная, честная деятельность судебных органов, основанная на законах, действующих в определенный период времени при определенном политическом строе. Применяя правовые нормы в конкретном деле, суд выражает политическую волю государства в той ее форме, которая сформулирована самим государством и в его же интересах, тем самым осуществляя судебную власть. Объем полномочий судебных органов изменялся по мере становления и развития государственной власти и реакции государства на несоблюдение принятых им законодательных норм. Так, известный еще в Древней Руси частно-исковой уголовный процесс, возбуждаемый не иначе как по жалобе потерпевшего, с усилением государственной власти, рассматривавшей пре-

ступление уже не как оскорбление конкретного лица, а как неподчинение самой власти и утвержденным ею правилам, постепенно приобретал публичные начала, поскольку обязанность по установлению причастности лица к совершению преступления взяло на себя государство. Однако во главу угла была поставлена защита интересов государства, а не личности.

В связи с этим просуществовавшая до реформы 1864 г. теория формальных доказательств фактически сводила к минимуму познавательную деятельность суда, поскольку государством на законодательном уровне было определено, какие доказательства являются совершенными (исключающими невиновность подсудимого) и несовершенными (не исключающими невиновность подсудимого). При этом перечень совершенных доказательств был указан в законе, к ним относились следующие: признание подсудимого; письменное доказательство, признанное тем лицом, против которого оно представлено; личный осмотр; свидетельство экспертов; непротиворечивые показания двух неопороченных судом взрослых свидетелей.

Возникновение каких-либо противоречий между доказательствами разрешалось преимущественным положением мужчины перед женщиной, знатного перед незнатным, ученого перед неученым, духовного лица перед светским [12, ст. 305, 307, 333]. Принятое по результатам такого разбирательства судебное решение с точки зрения действующего законодательства было законным, а значит, справедливым, хотя и не всегда соответствующим истине. Тем самым государство на уровне закона определило силу каждого доказательства, поэтому справедливость судебного решения на исследуемом этапе развития государства прямо зависела от правильного подсчета судом представленных ему доказательств.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г., закрепивший принцип свободной оценки доказательств, наделил суд правом оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела [13, ст. 766]. Этот принцип, с одной стороны, характерен для самостоятельного и независимого суда в системе органов государственной власти, а с другой стороны, придает судебному решению некоторую степень субъективности и, следовательно, новые критерии оценки его справедливости. Так, Декретом о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. [14, ст. 36] суду вменялось в обязанность при разрешении гражданских и уголовных дел руководствоваться действующими законами (в том числе и дореволюционными), не противоречащими социалистическому правосознанию. При этом принятие справедливого (с точки зрения существовавшего политического строя) решения ставилось выше требований «формального закона» и сроков давности. Социалистическое правосознание как совокупность представлений каждого члена общества о политической системе, действующих правовых нормах, охраняемых ценностях, было возведено в ранг закона и позволяло судьям принимать решения, руководствуясь им, даже если оно вступало в противоречие с действующим законодательством.

По Уголовному кодексу 1922 г. преступлением признавалось всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского

строю и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период [15]. Содержание главного уголовного закона, расположение в нем статей свидетельствовали о приоритете государственных интересов над интересами личности и политике государства, направленной преимущественно на борьбу с государственными преступлениями, что предопределило формулировку задачи Кодекса — правовая защита государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты [15].

Уголовный кодекс 1926 г. признавал всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период, общественно опасным (без упоминания термина «преступление») [16]. Задача уголовного законодательства осталась прежней — охрана социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершающим, указанных в настоящем Кодексе мер социальной защиты [16].

Судебные инстанции, применяя уголовно-правовые нормы в анализируемый период, должны были следовать уголовной политике государства, основанной на идеях усиления классово-борьбы по мере развития социализма, и выносить решения в интересах прежде всего государства, а не личности, действуя при этом справедливо применительно к рассматриваемым в то время правовым ситуациям, конституционному подходу к системе охраняемых ценностей.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. провозгласил своей задачей охрану советского и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств. В последующих редакциях содержание задачи претерпело некоторое изменение, но в целом охраняемыми государством интересами остались прежде всего интересы самого государства, а затем интересы личности [17].

Уголовный кодекс РФ 1996 г. в действующей редакции своими задачами определял охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений [18].

Именно объем полномочий судебных органов и полнота государственной защиты человека, потерпевшего от преступления или обвиняемого в преступлении, предопределяет самостоятельность судебных органов и позволяет утверждать существование судебной власти, поскольку для судебного решения, как и власти, характерны признаки обязательности (подчиненности судебной воле) и неукоснительного исполнения (принуждение) [19, ст. 6].

Судебная защита прав и свобод человека в конкретном деле, восстановление нарушенных прав происходит путем применения (толкования) законодательной нормы, которая, в свою очередь, есть политико-правовое средство управления государством. При этом от справедливости, нравственной составляющей законодательной нормы зависит и справедливость принятого решения. Таким образом, суд, наделенный властными полномочиями по разрешению конфликта между субъектами возникших правовых отношений (уголовных, гражданских, административных), и обязанный вершить справедливое правосудие, ограничен рамками действующего законодательства (объективная составляющая судебного решения) в пределах судебного усмотрения (субъективная составляющая судебного решения). Иными словами, нормативная основа для судебной власти заложена государством, его политической волей, а судебная власть распространяется лишь на право суда толковать и применять ее к конкретному событию. В этом и есть выражение одного из принципов правосудия — суд независим и подчиняется только закону как результату политической воли государства.

Субъективность в деятельности суда (так называемое судебное усмотрение) позволяет считать судебную власть политической властью, поскольку именно в правоприменении выражается роль суда как носителя власти. Однако судебное усмотрение не может быть бесконечным (не иметь пределов) и должно отвечать представлениям государства о справедливом решении. Именно поэтому содержание знания о справедливом правосудии зависит от содержания политической воли государства, выраженной в нормах права, от правовых ценностей, защищаемых государством.

С одной стороны, государство предоставило суду разрешать правовые споры от своего имени (именем Российской Федерации), тем самым наделив его властными полномочиями и самостоятельностью принятия решения, с другой стороны, ограничило суд определенными требованиями, которые обусловлены правовыми представлениями государства о справедливом правосудии на том или ином этапе его (государства) развития.

По отношению к уголовному судопроизводству пределы судебного усмотрения обозначены перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), допустимостью принятия решений при наличии совокупности «достаточных данных» (ст. 140 УПК РФ) или «достаточных доказательств» (ст. 171 УПК РФ) и пр. При этом суду предоставлена известная степень свободы в оценке существования или несуществования вышеназванных обстоятельств, данных, доказательств.

В гражданском судопроизводстве, например, государство, предоставляя суду для принятия справедливого решения право оценивать доказательства по внутреннему убеждению, запрещает устанавливать некоторые обстоятельства на основе свидетельских показаний (ч. 2 ст. 812 ГК РФ), тем самым ограничивая самостоятельность судебной власти, объективированной в норме закона своей политической волей.

Процесс принятия справедливого судебного решения — это переход от

предположения к обоснованному знанию. При этом предположение не возникает на пустом месте, оно (применительно к уголовному судопроизводству) основывается на анализе обстоятельств совершенного деяния и содержании действующего в конкретный период уголовного закона. Итоговое решение суда является справедливым не только потому, что оно принято в соответствии с нормами материального и процессуального права, но и потому, что именно так на данном этапе существования государства воспринимается истина.

Безусловно, объективность такого решения не исключает и наличия некоторых признаков субъективности, поскольку познавательная деятельность, направленная на установление обстоятельств совершенного преступления, зависит от процессуального статуса субъекта познания, его внутреннего психологического состояния, способностей к восприятию и правильной оценке фактов объективной действительности. Иными словами, справедливое судебное решение — это не только его соответствие объективной действительности, но и уверенность в этом соответствии. Принимая решение, суд действует одновременно в пределах применяемой им нормы права и дает собственную субъективную оценку совокупности собранных по делу доказательств, правильно трактуя государственную волю с точки зрения конституционных принципов.

Статья 17 УПК РФ обязывает суд руководствоваться законом и совестью при оценке доказательств по внутреннему убеждению. Указанное нормативное предписание, по мнению Конституционного Суда РФ, «направлено на исключение какого бы то ни было внешнего воздействия на суд, следователя и других лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью понуждения их к принятию того или иного решения. Тем самым обеспечивается действие провозглашенного в ст. 120 Конституции Российской Федерации принципа независимости судей при осуществлении правосудия» [20].

Между тем совесть, как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [21, с. 741], относится к характеристике личности судьи. Крайне негативным по отношению к рассматриваемой проблеме являются попытки некоторых теоретиков назвать справедливым решение суда, которое основано лишь на судебском усмотрении (принято по совести) при наличии действующей нормы права, применимой к возникшей спорной ситуации. При этом основным аргументом приемлемости данной ситуации являются негативные последствия, которые могут наступить для противоборствующих сторон при разрешении конфликта в точном соблюдении с нормами права. Однако такой подход к оценке справедливости судебного решения свидетельствует о проблемах, существующих в правовой системе государства, его правовых целях и средствах, закрепленных в юридических нормах.

Свобода судебного усмотрения, применяемая, как правило, в оценочных категориях (размер компенсации морального вреда, алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме, снижение размера неустойки до разумно-

го предела, взыскание расходов на оплату услуг представителя в разумных пределах и пр.), не означает, что суд действует вне рамок правовых норм. Возможность определить конкретный размер наказания или сумму взыскания при наличии альтернативы выбора предоставлена суду государством. Следовательно, как бы ни старался судья принять справедливое решение в точном соответствии с действующим законодательством, оно не может быть признано таковым, если основано на несправедливом законе, который, если он действует, отвечает интересам политической власти. Соответственно, если принятое «по совести» судебное решение не отвечает объективированным в законе представлениям политической системы о справедливости, а также сложившейся судебной практике, оно вряд ли вступит в законную силу (его отменит вышестоящая судебная инстанция) и будет расценено как брак в работе судьи.

Справедливое правосудие — это применение судьей по своему внутреннему убеждению в особой процессуальной форме нормы права к конкретной спорной ситуации. Суд в соответствии с процессуальными нормами гражданского, административного, уголовного судопроизводства осуществляет правоприменительную деятельность, определяя для каждого участника возникших правоотношений их права и обязанности, изложенные в судебном решении и подлежащие обязательному исполнению.

Таким образом, представление о справедливом правосудии формируется под воздействием двух обстоятельств: субъективных, характеризующих содержание понятия «справедливость» на определенном этапе развития государства, и объективных, представляющих собой основанную на нормах действующего законодательства конкретную судебную практику, создаваемую самими же судами и не противоречащую политической воле государства. Судебная система как политический институт не может существовать без поддержки государства, заинтересованного в функционировании сильной судебной власти, несмотря на возможные изменения государственной политики под воздействием как внутренних, так и внешних факторов.

Библиографический список

1. Цыганаш В.Н. Судебная власть в политическом измерении российского общества // Вестник Донского государственного технического университета. 2011. Т. 11, № 4 (55). С. 583–587.
2. Цихоцкий А.В. Судебная власть в механизме политически организованного общества // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. 2015. Т. 11, вып. 2. С. 50–72.
3. Рассохина А.А. Справедливое правосудие как актуальная проблема правозащитной политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2014. № 5-2 (43). С. 151–153.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст. 6 (заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г. вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сент. 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 нояб. 1984 г.)). URL: <http://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/>
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953.

6. Конституция Российской Федерации. М., 2015.
7. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
8. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет: Критика буржуазных теорий. М., 1973.
9. Ледаева О.М. Понятие власти // Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы. М., 1989.
10. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
11. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. М., 1971. Т. 1.
12. Свод законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. 15, ч. 2. Ст. 304–348.
13. Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. URL: <http://base.garant.ru/57791498>
14. О суде: Декрет ВЦИК № 2 от 7 марта 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
15. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (вместе с Уголовным кодексом РСФСР), ст. 6 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
16. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (в ред. 1926 г. (вместе с Уголовным кодексом РСФСР), ст. 6: постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
17. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г., ст. 1 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 26 авг. 2017 г.), ст. 2 // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
19. О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 февр. 2014 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/
20. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бутусова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 янв. 2005 г. № 45-О. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1254158/>
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007.